

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Прокудин
РАССКАЗЫ ИЗ САНТА-МОНИКИ

(андалузские истории)

Александр Прокудин
**Рассказы из Санта-Моники.
Андалузские истории**

«Автор»

2020

Прокудин А.

Рассказы из Санта-Моники. Андалузские истории /
А. Прокудин — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-98155-3

Санта-Моника — небольшой городок в Андалузии, в предгорьях Сьерра-Невады, примерно посередине между Севильей и Малагой. Кто-то сравнивает его с медленно кипящей паэльей. Кто-то со святой, давшей ему имя — матерью блаженного Августина. Кому-то он напоминает отважного тореадора, стоящего на пути у взбешённого быка. И все они правы. Страсти, переполняющие горожан Санта-Моники, то и дело проявляют себя самыми непредсказуемыми образами. В виде невероятных любовных историй, головокружительных афер и даже откровенно подлых и кровавых преступлений. Тайн и секретов этот небольшой андалузский городок накопил немало, и в центре каждой из них бесконечная любовь его жителей друг к другу и к месту, в котором им выпало счастье родиться и жить. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98155-3

© Прокудин А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

История пекаря Педро и его жены Валентины	5
Распутная жена дантиста Горацио	12
Путешествие Мерседес	20
1. В больнице	20
2. В палате Мерседес	22
3. Семейный совет	23
4. Рождество	26
5. «Какая Америка?!»	29
6. В Нью-Йорке	30
7. Второе собрание	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Прокудин

Рассказы из Санта-Моники.

Андалузские истории

История пекаря Педро и его жены Валентины

Если спросить Педро Веласкеза, чего он хочет больше – стать королем Испании или получить телефон толкового печника, способного переложить его старую хлебную печку, ответ будет получен сразу. Свою работу Педро любит больше всего на свете. Его величество Хуан Карлос вместе с инфантом Фелипе могут спать спокойно. Для пекаря Санта-Моники, небольшого андалузского городка примерно посередине между Севильей и Малагой, куда важнее его «подданные». Булочки и караваи, батоны и багеты, хрустящие хлебные палочки и прочее, что десятилетиями выпекает его семья в этом городе. Который, следует заметить, Педро любит не меньше работы, надеясь прожить тут всю свою жизнь, как это проделали уже несколько поколений Веласкезов до него.

Третья любовь Педро (что вовсе не значит «менее ценная», просто как-то от первых двух ее отделить надо?) ревнует его одинаково и к работе, и к Санта-Монике. И громко заявляет об этом на всю улицу – обычно в те дни, когда приходит пора платить по счетам. Проходя в это время мимо дома Веласкезов, в котором расположились и пекарня с лавкой, из раскрытых по причине жары окон можно услышать следующее:

– Черт тебя подери, Педро! Разве можно быть настолько тупым? – кричит жена пекаря. – Нам давно пора продать эту провонявшую сдобой богадельню, пока за нее дают хоть на песету больше, чем за просыпанную на пол муку. И уехать жить к морю, куда вечность назад переселились все, у кого в голове не пустые мечты, а то, что можно назвать хоть какими-нибудь мозгами!..

Валентину можно понять. Во-первых, она родилась не в Санта-Монике, а требовать от приезжих тех же глубоких чувств, что испытывают к ней родившиеся здесь, просто нелепо. Во-вторых, дела и на самом деле идут все хуже. Туристов, на которых региональная экономика полагается все больше, становится все меньше. В Санта-Монике они бывают лишь проездом: на восток – на горные курорты Сьерра-Невады, и на юг – к морю, о котором так мечтает жена пекаря.

Но разве способны такие мелочи заставить мужчину отказаться от истинной любви? Именно это и пытается донести до своей супруги Педро в ответных словах:

– Заткнись, заскорюзлая ты дура! Ты совершенно ничего не понимаешь! – разносится по душной вечерней улице его крик. – Эта пекарня досталась мне от отца, который своими руками помогал ее строить моему деду. Наш хлеб покупала вся улица, и на три квартала в любую сторону от нее!

Это чистая правда.

– Обсыпанный мукой дегенерат! – отвечает Валентина. – Теперь все покупают хлеб в супермаркете! Там он в два раза дешевле, и еще у них постоянно проводятся акции!..

Это чистая правда тоже.

Никогда Педро не позволит себе поднять руку на жену, несмотря на то, что именно этого в такие моменты ему больше всего хочется. Он действительно любит ее. Так же, как мука любит воду. Растворяясь в ней и превращая ее в себя. Обволакивая, опутывая, смешиваясь и соединяясь. Вместе создавая чудо, которое чуть позже, после того, как жар печи скрепит их

союз в нечто по-настоящему цельное и неотделимое друг от друга, назовут благословенным словом «хлеб».

И надо же до такого додуматься: сравнить чудо с тем, что продают в супермаркетах! Разве может называться «хлебом» тесто, которое месили поршни и шестеренки, металлические валы и воняющие резиной и машинным маслом конвейерные ленты?

Эту мысль пекарь также часто повторяет своей жене.

– Хлеб – это результат настоящей любви, убитая ты идиотка! – орет на нее Педро. – Можешь ты это понять своими куриными мозгами или нет? Механизмам никогда не добиться того, на что способны руки пекаря. Разрешать продавать такой хлеб – все равно, что регистрировать браки с дилдо. Хлеб, в котором нет души, надо раздавать даром! И не людям, а свиньям. Для меня он все равно, что отравлен!

Валентина начинает плакать.

Она тоже его любит, любит своего Педро.

Возможно, как раз за то, что мешает им обоим покинуть этот проклятый город и эту треклятую пекарню. За его трогательную верность этим непонятным ей вещам. Как это было мило всего лишь несколько лет назад.

Но время идет и чувства черствеют... К чему обсуждать очевидное?

Валентина рыдает все сильнее. Она не хочет потерять мужа, она дорожит им таким, какой он есть. Но и жить, так как раньше, едва сводя концы с концами, в умирающем городе, она тоже не хочет.

– Ты глупый и упрямый болван, вцепившийся в место, у которого нет ни будущего, ни настоящего! Если бы в твоей голове были мозги, а не пачка просроченных дрожжей, плавающих в протухшей закваске, ты бы давно сделал так, как я предлагаю...

Педро терпеливо выслушивает супругу.

На самом деле он прекрасно ее понимает.

Пекарь нежно обнимает жену за плечи и говорит ей без капли укора, лишь терпеливо перебирая факты:

– Ты не из Санта Моники, милая, поэтому тебе тут ничего не дорого. И я тебя понимаю. И я чувствовал бы то же самое, живи я... в какой-нибудь Уэльве!

Педро прижимает плачущую Валентину к груди и продолжает:

– Но ты любовь моя, и я дорожу тобой больше жизни. И только это удерживает меня от того, чтобы навешать тебе оплеух и выгнать из дома к чертовой матери! Навсегда, чтобы в жизни не слышать больше твоего нытья по поводу вещей, в которых ты понимаешь меньше голубя в юриспруденции!

Как правило, вскоре после этого пекарь и Валентина мирятся.

И если у вас есть хоть капля совести, как именно они это делают, подслушивать под их окнами вы не станете. Тем более что стоны жены Педро слышны, даже если отойти на соседнюю улицу, в самый дальний ее конец, где инжирные деревья усеяли опавшими плодами мостовую.

В общем, неудивительно, что известие о том, что супруга ему изменяет, пекарь Педро встретил с огромным удивлением и с еще большим ужасом.

Страшную новость принес его закадычный друг детства, юности и более зрелых лет тоже, младший служащий национальной полиции Серхио Бунимара. Он позвонил и рассказал Педро, что только что видел Валентину в мотеле недалеко от города.

С другим мужчиной.

Это было полной неожиданностью.

– Она припарковалась и пошла в номер, – сообщил Серхио, с трудом сдерживая негодование. – Хорошо, что я не успел ее окликнуть. Представь: через минуту туда же отправился какой-то хлыщ!

Пекарь не мог этого представить. Он выслушал рассказ друга с распахнутыми ртом и глазами – словно вытащенная на берег рыба, в один миг лишившаяся привычной, окружавшей ее на протяжении всей ее жизни, среды.

– Приезжай быстрее, – предложил Серхио, – и мы застукаем их на месте!

Педро не помнил, как доехал до мотеля. Вся его жизнь в одно мгновение разрушилась, разлетелась на части, словно в нее угодила огромная авиационная бомба. О чем ему сообщили по телефону, и сейчас он приехал смотреть на собственные обломки и осевшую на них бетонную пыль.

Стояла адская жара раннего августа, хорошо знакомая жителям андалузских предгорий. Приятели сидели внутри полицейской машины на стоянке возле мотеля.

Серхио не столько сочувствовал, сколько возмущался.

– Надутый индюк! – описывал он «хлыща». – Я таких знаю. Ходит в костюме, несмотря на жару – выпендривается перед бабами. Машина не из дешевых, я уже попросил ребят проверить. В номере они пробыли минут сорок, но сейчас Валентина уже уехала. Ты не встретил ее по дороге? Педро?

– Нет, – ответил Педро пересохшими губами. – Но сам он еще там? Я пойду к нему.

– Ты уверен? – спросил Серхио, который все-таки был полицейским. – Не натвори глупостей.

– Это будет самое трудное! – ответил Педро и достал из-за пояса огромный черный револьвер.

Спустя полминуты борьбы оружие оказалось в руках у Серхио.

– Перестань! Одно дело застукать жену на измене, и совсем другое сесть в тюрьму за убийство ее хахалю, – увещевал он друга. – Или, что еще унижительнее, за попытку убийства. Эта пицаль не выстрелит, говорю тебе как полицейский, разбирающийся в оружии. Ты где его держал? В чане с опарой?

Револьвер действительно был далеко не в боевом состоянии. Он хранился в семье Веласкезов еще со времен гражданской войны, на всякий случай приобретенный дедом Педро от воров и мародеров (которых в Санта-Монике так и не появилось). Все это время оружие пролежало на чердаке, ржавея в темноте и не находя себе ни заботы, ни применения.

– Хорошо, я пойду так, – согласился Педро. – Просто, чтобы увидеть кто это.

Со своего места, из полицейской машины, Серхио Бунимара видел, как пекарь постучал в двери номера мотеля. Ему открыли. Педро постоял на пороге: жестикулируя, он задал какой-то вопрос, ему что-то ответили. Затем дверь захлопнулась. Педро пробыл перед ней еще секунд шесть-семь и с опущенной головой, походкой человека большого всеми смертельными болезнями сразу, вернулся к машине.

– Ну? Что? – с нетерпением спросил друг.

– Он ходит голышом по номеру, – дрожащим голосом ответил Педро. – И похабно шутит.

– Что ты у него спросил?

– Не видел ли он мою зажигалку. Мол, я забыл в этом номере до него. Он ответил, что обычно в таких мотелях все заваливается за матрас. Во время... Во время «родео»...

На слове «родео» Педро всхлипнул.

– Это правда, – подтвердил наблюдение «хлыща» Серхио.

– Меня чуть не вырвало, – произнес Педро, с трудом сглотнув комок тошноты. – А еще...

Он опустил голову и зарыдал.

– А еще у него вот такенный хер... – сказал он сквозь слезы и показал руками примерно половину французского багета.

Серхио ничего не оставалось, как бережно обнять друга и с сочувствием похлопать его по содрогающейся спине.

– Я пробил по автомобильным номерам, – сообщил он чуть погодя. – Его зовут Мигель Крусарес, работает торговым менеджером. Живет в Манильве, у самого моря.

Вечер в семье супругов Веласкесов прошел необычно. Педро молчал и пристально смотрел на любимую супругу, буквально ее разглядывая. Но только в те моменты, когда она этого не видела. Как только Валентина поворачивалась в его сторону, пекарь тут же опускал глаза в тарелку.

Но что-то жена пекаря все же почувствовала. Во всяком случае, именно она начала разговор.

– С тобой все в порядке, Педро? – спросила Валентина, слегка прищурив веки.

– Вполне, – пекарь снова сделал вид, будто ужинает, хотя на самом деле не мог проглотить ни кусочка.

– Слушай...

Валентина присела напротив мужа и положила на его руку свою (Педро будто пронзило током).

– Я на два-три дня съезжу к Адель.

– К Адель? – переспросил пекарь, и глаза его заблестели.

Подруга жены, как он прекрасно помнил, жила в Манильве. Как раз в том городе, откуда приехал на своей роскошной машине проклятый «хлыщ Крусарес».

Чувствуя, что еще немного и он выдаст себя, не справившись с чувствами, пекарь все-таки взялся за еду по-настоящему. Набив рот обжаренной с овощами морсильей, он принялся интенсивно ее пережевывать, внимательно слушая при этом, что его жена скажет дальше.

– Да, к Адель, – подтвердила она. – На пару дней. Она давно звала.

Педро кивнул и взял из хлебной корзинки половинку им лично испеченной pistols. Перед глазами тут же воскресла картина из мотеля. Пекарь поспешно положил продолговатый хлеб обратно и вытер руки о скатерть.

– Это обязательно? – спросил он жену, не поднимая глаз.

– Что обязательно?

– Ехать.

– Что за вопрос? – удивилась Валентина. – Педро, с тобой действительно все нормально?

Пекарь показалось, что супруга просто ушла от ответа.

– Давай... поговорим? – тихо произнес он сквозь комки в горле и робко взглянул на жену.

– Поговорим, когда я вернусь, – рассмеялась она в ответ, не заметив того, как задрожали губы ее мужа, и какой тоской и тревогой наполнились его глаза. – Обещаю!

Валентина поцеловала мужа в лысину (его снова пронзила молния) и спокойно отправилась спать.

Педро просидел перед остывшей марсильей и хлебной корзинкой еще около часа, поклявшись никогда в жизни больше не печь ничего продолговатого.

Веласкез ждал жену двое суток, все это время не находя себе места. Едва ли не впервые у него подгорели булочки, и не взшло тесто, поставленное на ночь. Он извелся. Не помогли ни вино, ни молитвы, ни разговоры с другом Бунимарой.

– Что же тут попишешь, дружище? – неуклюже утешал его бывший одноклассник. – Всякому известно, что нужно от мужиков бабам. Деньги, роскошная тачка, да член размером с Муласен.

После этого разговора, Педро стал избегать смотреть не только на предметы фаллической формы, но и просто на восток. В хорошую погоду оттуда отлично была видна упомянутая Серхио наивысшая точка Кордильеры-Бетики (а дни, как назло, выдались солнечными и полными прозрачного горного воздуха).

Он звонил ей пару раз. И оба раза слышало одно и то же: шум моря, который она так любила, и ее счастливый, беззаботный голос.

– У меня все прекрасно! Не волнуйся! Я вернусь, когда спадет жара.

На второй день, с утра, пришло письмо из банка, в котором сообщалось, что, оказывается, перед отъездом его жена Валентина сняла с их общего счета ровно половину денег.

Ровно половину.

Что это, скорее всего, означает, было ясно даже дураку.

В день приезда ранним утром она позвонила ему сама: «Будь дома, пожалуйста, и не ложись. У меня к тебе серьезный разговор, Педро!».

Ничто в жизни не смогло бы испугать Педро Веласкеза сильнее, чем несколько этих слов. Тысячу раз пекарь проиграл в уме скорую встречу с женой и то, что на ней будет сказано. В самых разных вариантах и с самыми разными нюансами. Был он готов даже к тому невероятному развитию событий, которое случилось на самом деле.

Они приехали часов в девять вечера, на двух машинах. Первым в его дом вошел мужчина из мотеля. Высокий, широкоплечий и загорелый. С кривой, неприятной усмешечкой на лице и небрежно засунутыми в карманы брюк руками. Окинув несколькими быстрыми и снисходительными взглядами скромную обстановку дома Веласкезов, он оперся плечом о коридорную стенку и кивнул несчастному пекарю, словно старому знакомому:

– Салют, дон Педро! Как ваши дела?

Веласкез смолчал, сжав зубы сильнее уличного бульдога, закусившего врагу глотку.

– Привет, милый! – прошебетала вошедшая следом Валентина. – Ты молодец, что дождался, не пришлось тебя будить. Познакомься, – протянула она руку в сторону обладателя хера размером с горную цепь Сьерра-Невады. – Это...

– Я знаю, – перебил Педро. – Его зовут Мигель Крусарес. И так же, как Адель, он живет в Манильве.

Глаза Валентины округлились, она пришла в замешательство.

– О! Педро? Откуда...

– Подождите, – вальяжный гость сузил глаза в попытке разобраться в недавних воспоминаниях. – А ведь мы с вами уже встречались, верно? Недавно. На прошлой неделе. Ваше лицо... Мне кажется...

– Теперь ты запомнишь мое лицо навсегда, – произнес Педро. – И ты, Валентина тоже, – пекарь обернулся в ее сторону. – Любовь всей моей не нужной никому в этом доме жизни, которой ты сама вынесла приговор!

С этими словами Педро Веласкез достал из-за спины руку с револьвером, который за прошедшие три дня разобрал, почистил от ржавчины, смазал и привел в боевую пригодность. Оружие работало как надо, он лично проверил его на жестяных банках в горах.

– Педро! Что ты делаешь? – воскликнула Валентина.

– Я лишь приведу этот приговор в исполнение.

Прямо на глазах у ошеломленного Мигеля Крусареса и своей любимой жены Педро Веласкез выстрелил себе в правый висок.

Валентина не успела даже взвизгнуть. Раскрыв рот в изумлении, она, словно немая рыба, наблюдающая за тем, что происходит за стенкой ее аквариума, глядела на рухнувшее ей под ноги тело мужа.

Из ступора ее вывел Крусарес. Он отступил назад к порогу, и ее отодвинул тоже, чтобы их обоих не задело стремительно расплзающееся по полу темное пятно крови.

– Бог мой! – воскликнул Крусарес. – Я вспомнил его! Он заходил в номер мотеля. Что-то там искал... Зажигалку! День, если помните, был дьявольски жаркий, и я продлил номер на час, чтобы принять душ...

Крусарес посмотрел в глаза жене пекаря, которая все еще находилась в сильнейшем шоке, и предложил:

– Давайте вызовем полицию? Признаюсь, такое со мной впервые. За все годы, что я торгую оборудованием.

Через несколько десятков минут, которые требуются в Санта-Монике, чтобы разыскать в одной из городских таверн комиссара полиции, и убедить его, что на самом деле свершилось нечто, требующее его участия, жена Педро Веласкеза, Валентина давала показания полиции. Их записывал, прибывший вместе с комиссаром, его помощник, молодой инспектор, сержант Эстебан Линарес.

– Не знаю, что на него нашло... – рыдала жена пекаря, с трудом отвечая на вопросы. – Педро в последние дни был сам не свой. Я что-то чувствовала... Я хотела сделать так, чтобы он переступил через свою дурацкую гордость и принял все, что я задумала, как уже свершившееся. Раз уж мы никогда не покинем эту чертову Санта-Монику, то пусть хоть жизнь наша будет чуточку лучше. Я разыскала поставщика пекарского оборудования. Мы встретилась, договорились об авансе. Потом я съездила к нему в Манильву, заключить договор и отдать деньги. А сегодня привезла его поговорить с мужем. Чтобы синьор Крусарес, как специалист, сам объяснил, насколько выгоднее будет Педро работать по-современному, как все, с конвейерной аппаратурой. Я не знаю, что произошло... Педро воспринял это... Он просто убил себя на наших глазах!..

Примерно то же говорил и Мигель Крусарес, торговый менеджер, специализирующийся на оборудовании для пекарен, что ясно указывалось на всех его визитках и в прочих документах.

– Я торгую по всему побережью, – рассказывал он, заметно нервничая, что в подобных обстоятельствах не было удивительным. – Осовременить производство – для многих единственный выход. Мне встречались упертые ретрограды, особенно среди стариков, но... настолько? Вышибить себе мозги, лишь бы продолжать жить в начале века? Будь проклята Адель, подкинувшая мне эту клиентку!.. Адель? Это сестра моей благоверной, сержант, разрази ее господь вместе со всеми ее чокнутыми знакомыми!..

Среди сновавших по дому людей в форме, полицейских и медиков, выделялся один, стоявший как столб, недвижимо, с бледным, как соль, лицом. Это был Серхио Бунимара, который слышал все, что говорили Мигель Крусарес и Валентина Веласкез. По лицу его катились беззвучные слезы, он никак не мог прийти в себя от того, что случилось с его другом, и какую роль в этом происшествии сыграл он сам. Рассказать кому-либо, почему именно его товарищ Педро поступил так, как поступил, Серхио не решился.

Через три дня, когда вдова Веласкез вернулась с похорон, все купленное ею у Мигеля Крусареса оборудование уже стояло на своих местах. Жена влюбленного в свою работу пекаря, разумеется, знала, как делается хлеб. Не снимая траурного платья и вуали, она замесила тесто в самом большом чане, который нашелся в пекарне. Затем вышла ненадолго в жилую часть дома, откуда вернулась с небольшой, похожей на спортивный кубок, урной. Плотную подогнанную крышку украшала изящная эмалированная вставка с изображением святой Моники, а на боку урны желтела прямоугольная латунная пластинка: «Педро Антонио Химера Веласкез. 5 марта, 1942 – 24 августа, 1979».

Валентина сняла крышку и высыпала из урны все, что в ней было, в приготовленное тесто.

Новое оборудование она решила не трогать, воспользовавшись старой печью Педро. Хлеб был готов меньше чем через час.

Жена пекаря открыла ставни, отделяющие лавку от улицы, и выставила на прилавок свежее испеченные караваи любимого хлеба Педро. «Пан де крус» – того самого, что перед печью рассекают по будущей корке двумя ударами ножа, чтобы в итоге получился крест.

На черной аспидной дощечке, на которой муж кусочком мела писал обычно их ассортимент и цены, старательным, женским почерком Валентина вывела:

«Бесплатный хлеб с душой»

Спустя минуту она покинула дом и уехала к морю. В Санта-Монике жену пекаря больше никто и никогда не видел.

Распутная жена дантиста Горацио

Близился полдень. В тени большого, широко разросшегося рожкового дерева слепая донья Анна Моредо лакомилась спелой черимойей, выскребывая ванильную мякоть маленькой мельхиоровой ложечкой из разрезанного надвое плода. В нее же она сплевывала твердые несъедобные семена и, постукивая рукой с ложечкой о собственную ногу, аккуратно стряхивала их на землю рядом с собой. Здесь же, возле стула, стояла ее обычная бутылка с вином на треть разбавленным водой и небольшой граненый стаканчик. По обыкновению поблизости валялся и бессовестный соседский пес Гектор, частенько пользовавшийся слепотой Анны, чтобы лакать из ее стаканчика недопитую мансанилью.

Вот уже несколько десятилетий донья Анна являлась одной из главных достопримечательностей Санта-Моники. Судьба обошлась с ней жестоко, лишив ее не только зрения, но и почти всех родных – в совсем молодом возрасте. Но сломить ее не сумела. Утратив возможность видеть глазами, Анна так обострила умение видеть сердцем, что слухи о ее мудрых советах, в которых она не отказывала никому, мигом распространились по всему региону. Рожденная задолго до компьютерных поисковых систем, Анна, конечно, не могла выдать в метрах расстояние от Севильи до Антарктиды или нечто тому подобное. Но обычная жизненная мудрость и точность суждений были при ней всегда. Этим и пользовались горожане, приходя к ней за советами, в которых важны были не цифры, а опыт прожитых лет. Да и просто поболтать Анна любила, никогда не отталкивая от себя даже самого скучного собеседника.

Вот только что, например, она поговорила по душам с сорокалетним холостяком Виктором Гарсией, торговым агентом, зарабатывающим грошовыми сделками, ради которых ему приходилось мотаться по всей Андалузии, Гранаде, Уэльве и Валенсии. Он как раз возвращался из командировки в Эстремадуру и остановился поздороваться с Анной, а заодно пожаловаться на свои проблемы.

– Не могу так больше! Господь меня ненавидит! – сетовал он на финансовые трудности, которые, к слову, испытывали в Санта-Монике все, связанные с большим, средним и малым бизнесом, люди. Город переживал не лучшие времена, растянувшиеся при этом уже лет на двадцать, как минимум.

– Вот это самомнение, Виктор! – фыркнула старуха. – Уверяю тебя, нет!

– Если бы вы видели последний закон о налогах, донья Анна, вы бы со мной согласились.

На любовь это не похоже вовсе!

– Даже если бы видела, – хохотнула Анна, – вряд ли изменила свое мнение. С чего ты взял, что тебя кто-то обязан любить? Тем более там!

Старуха ткнула в небо мельхиоровой ложечкой.

– Не знаю, – скривился Гарсия, – так на каждой проповеди говорит отец Паскуале.

– Нашел, кого слушать... – Анна сплюнула очередную косточку в ложечку. – Вот уж кто меньше всего понимает в боге, так это попы! Я это давным-давно сообразила. Пусть это мало кому нравится, но дела с господом устроены совсем по-другому.

Анна замолчала, с наслаждением пережевывая ароматную кремовую мякоть. Собеседник не смог дождаться, когда она закончит:

– И как именно, донья Анна? Скажете?

– Секунду. Налей мне вина, – попросила Анна, и пока Гарсия выполнял ее просьбу, спросила: – Вот кто ты, Виктор?

– Несчастный коммивояжер, – ответил он, возясь с бутылкой.

Старуха удовлетворенно кивнула.

– А теперь представь, что к этому ты еще и господь-бог!

– Донья Анна... – закатил глаза Гарсия.

– Представь, представь! Господь-коммивояжер. Для твоих клиентов, кстати, так и есть. Ты появляешься в их жизни и даешь им то, чего они хотят или думают, что хотят, так ведь?

– Ну, допустим.

– А теперь посмотри на любого другого, – продолжила слепая. – И ты увидишь, то же самое. Кругом нас боги! Ведь каждый работает над созданием чего-то, верно?

– Если так рассуждать... Ну пусть!

– А теперь ответь: для чего бог-плотник делает скамью, а бог-винодел мансанилью?

Гарсия пожал плечами, как будто Анна Моредо могла это видеть.

– Чтобы по окончании тяжелой работы дать отдых душе и заднице – вот для чего! – произнесла она, как будто действительно увидела.

Коммивояжер рассмеялся и всунул стакан с вином в руку Анне. Но она была вполне серьезна:

– У каждого созидания есть свой смысл, Виктор. Что получит его творец от того, что его закончит. Ты понял?

Вопрос оказался риторическим, Моредо тут же продолжила:

– Почему же, вслед за остолопом Паскуале, ты думаешь, что господь создал Землю для того, чтобы переживать за ее жителей? И, уж тем более, пробовать улучшить их существование?

– Зачем же тогда?

Старуха не торопясь сделала плоток из стакана.

– Я думаю, – сказала она, – он пялится на нас, как в телевизор. Исключительно ради собственного развлечения.

Анна поставила стаканчик на землю, и к нему тут же устремился проснувшийся алкоголик-Гектор.

– Вот и все наше людское предназначение, – добавила слепая. – Наш смех, наши слезы – все это для того, что господь не скучал. Больше ни для чего. Как только он начинает зевать, он тычет в нас телевизионным пультом, как злой мальчишка палкой в муравейник, чтобы что-то начало происходить. Как только я это поняла, мне стало легче.

– Seriously?

– Еще как! И тебе станет, если начнешь думать мозгами. Ты бог, Виктор! Бог всего, что ты делаешь! Этого мало?

– Ну! – коммивояжер явно не представлял, как ему использовать услышанное. – И что же мне с этим делать?

Анна пожала плечами и произнесла, как очевидную истину:

– Выполняй свою работу как можно лучше. И живи так, чтобы сверху на тебя было не скучно смотреть.

– Спасибо вам, донья Анна, – сказал Виктор, кинув взгляд на часы. Близилась сиеста, и хотелось успеть домой раньше ее наступления. – Не уверен, что согласен с вами полностью, но мне полегчало, это точно.

– На здоровье. Виктор. Ты хороший мальчик, у тебя все наладится. Заходи поболтать еще, когда будет время.

Виктор Гарсия уехал, а донья Анна приступила ко второй половине обожаемого ей лакомства. Но не успела она поднести ко рту очередную ложку с черимойей, как среди шелеста листьев и продолговатых, уже засохших в июле, плодов рожкового дерева, вдруг ясно расслышала женские всхлипывания. Это было необычно.

– Кто тут плачет? – громко спросила старуха и шутливо погрозила ложечкой. – А ну-ка, выше нос! На этой улице таких звуков не любят!

– Меня зовут Клементина, – услышала она незнакомый голос, принадлежащий скорей всего девушке или молодой женщине на слух не более чем двадцатилетнего возраста.

– Я не знаю тебя, милая? – наполовину спросила, наполовину заявила Анна. На сестру она тоже уходила в дом, вздремнуть перед вечерней выходом, поэтому поспешила узнать о визитерше все поскорее.

– Я слышала про вас. Вы Анна Моредо, – ответила девушка.

– Все правильно. Так ты пришла специально ко мне, Клементина?

– Говорят, вы многое знаете о жизни и даете отличные советы тем, кто в них нуждается. Анна рассмеялась.

– Не знаю насколько они отличные, – сказала она скромно, – но плакать ты уже перестала, верно? Если хочешь, расскажи, что с тобой случилось. Но поторопись, а то солнце понаделает из нас вяленых томатов.

Клементина сделала несколько шагов в ее сторону. Даже на слух было понятно, насколько эти шаги были робкие и стеснительные.

– Смелее! – подбодрила Моредо. – Никто тебя не укусит! – недавно выпивший Гектор в подтверждение миролюбиво зевнул. – Так кто же заставил рыдать такую милую девушку, как ты?

– Вы знаете Горацио Солера? – спросила девушка.

– Дантиста? – удивилась Анна. – Конечно!

Дантист Горацио Солер был известной личностью в городе. И не самой при этом популярной. Его отличали крайние обидчивость и мнительность, что плохо настраивало на любое общение. С большим трудом Горацио верил в добрые намерения на свой счет, и с готовностью – в худые. Слишком близко принимая на свой счет каждое слово, особенно, с его точки зрения, насмешливое. Возможно, виной такому поведению были его отношения с матерью, постоянно бранившей его и ставившей ему в пример других – с самых ранних дней детства и до прошлого года, когда она умерла от осложнившейся пневмонии.

Теперь, оставшийся один, Горацио искал одобрения каждому своему шагу и действию вдвойне. Он всерьез переживал, одобряют ли окружающие почти каждый его выбор – будь то рингтон на телефоне, галстук к рубашке или покупка нового автомобиля. Сомневался он даже в выбранной (конечно, при помощи матери) профессии. Хотя ортодонтом он, на самом деле, был неплохим, в тайне души Горацио не считал себя настоящим врачом. Таким, какими были все в семье Мартинезов, например. И, в соответствии с собственной натурой, думал, что так считают и все остальные.

В общем, сказать о Горацио Анне было что.

– Тот еще тип, милая! – воскликнула слепая. – В его жилах не кровь, а какие-то, черт возьми, слюни! Слышала я разок, как он описывал корриду, на которую съездил в Ронду. Боги мои... Вышел какой-то керлинг! Страшно подумать, что было бы описывай он керлинг...

– Вы знаете, что такое керлинг? – прыснула девушка.

– Пф! – фыркнула Анна и тоже засмеялась. – Ты думаешь, я ровесница Сервантеса, что ли? Дома у меня постоянно включён «Дискавери» и слушаю я все время только молодежные радиостанции. Так что Горацио? Чем он довел тебя до слез? Своими железками? Или чем-то более страшным? Своими нудными разговорами, например.

– Он мой муж, – ответила Клементина.

– О!

Конечно, Анна слышала, что Горацио Солер женился, но представить, что ему досталась настолько милая девушка – а она показалась ей крайне милой – было чрезвычайно трудно!

Дантист Солер совершил невозможное – уговорил кого-то выйти за себя замуж – буквально на днях. Естественно, не на девушке из Санта-Моники, в которой его все знали. Свадьбу сыграли тихо, не по-андалузски. В пятницу после работы Горацио выехал из Санта-Моники, а во вторник вернулся обратно с молодой женой.

Скрепя сердце, Горацио познакомил с нею ближайших соседей и родственников, заглядывая каждому в самые глаза. Что они думают? Что скажут? Хороша ли жена? Правильно ли он поступил?

По слухам, дошедшим до Анны, девушка была тихой, скромной и вполне миловидной, что, в случае с Горацио, можно было трактовать как «распрекрасной».

Клементина рассказала Анне все. С Горацио они познакомились по интернету. В их семье, где отец почти не появлялся дома, пропадая постоянно в море, среди трех таких же незамужних сестер, считающих копейки общего приданого, его встретили приветливо. Стоматолог был любезен и серьезен, и пришелся по душе и матери, и другим родственницам, участвовавшим в семейном «ритуале одобрения» – теткам с материнской стороны. Сама же Клементина не имела четкого представления о том, что к нему чувствует, вплоть до самой свадьбы.

– Но потом я поняла. Я ни капельки не люблю его!

Девушка снова зашмыгала носом.

– Так оставь его к черту! – резонно предложила слепая, не зная, о чем тут можно спорить.

– Не могу, – сокрушенно ответила Клементина. – Я пыталась завести об этом разговор...

Но Горацио так меня испугал, что я соврала, что неудачно пошутила.

– Испугал? Чем? – Анна подумала, что дантист прибег к угрозам, но это оказалось не так.

– Он сказал, что не переживет этого, – пояснила девушка. – И сказал это так, что я поверила.

Зная Горацио, про себя Анна предположила, что скорей всего он до смерти испугался того, что подумают соседи, когда узнают, что жена сбежала от него на второй день. Скорее его волновало это, чем дело было в любви или каких-то других чувствах. Но кто его знает? Пекарь Веласкез, например, в свое время удивил всех, добровольно отправившись на тот свет. Вроде бы из-за неудач в бизнесе, но также поговаривали и о том, что на самом деле всему виной была его жена. Зацикленный на себе сухарь Горацио вполне мог сойти с ума от доставшегося ему «суперприза». Который вдруг – опа! – мог его неожиданно покинуть.

– А еще он сказал, что ждет от меня детей, – проныла девица в отчаянии. – А это... это... я вообще не могу себе представить!

– Стоп! – не поняла Анна. – У вас же была брачная ночь? Должна была быть!

– Неделю назад, – подтвердила Клементина. – Но я соврала, что не могу в этот день. И вру до сих пор. Но он же врач, еще раз-другой и он точно поймет, что я все выдумываю.

– Это как пить дать, – согласилась Анна.

Чем она может помочь девушке при этом, оставалось совершенно неясным. Кроме того, чтобы выслушать и посочувствовать, разумеется.

– Он ведет себя так глупо! – со слезами продолжала Клементина. – Везде выставляет меня... словно вещь! Посмотрите, чего я добился... Это ужасно! Я звонила матери, она посмеялась. Говорит, прочисти ему мозги, поставь на место. Это теперь твой муж, он для этого и создан. А я... Я думаю, какая разница. Он же все равно... никогда...

– Не изменится. Останется таким же, – закончила за нее Анна. – Это правда, девочка моя. Так и будет.

– Ну и, кроме того, – дополнила Клементина, – в нашем брачном контракте записано, что тот из супругов, кто запросит развод, останется ни с чем. А это совершенно невозможно. На эти деньги живу не только я, но и мои родные, которым я помогаю. Я в полном отчаянии!

Анна промолчала, погружившись в размышления. Да и что тут можно было посоветовать?

– Ладно, простите, – именно так поняла ее девушка. – Я сама виновата в том, что устроила свою жизнь таким образом. Не всем же быть счастливыми.

Донья Анна раздумывала еще секунду. После этого, отложив в сторонку оставшуюся половинку черимойи, снова потянулась за вином.

– Вот что, – сказала Анна Моредо. – Если твой муженек придет поговорить со мной завтра утром, я попробую его переубедить.

– Как?

– У меня как раз откололся зуб. Черт бы побрал эту черимойю с ее каменными косточками! Шучу, я ее обожаю. Но позвать специалиста осмотреть проблему, не помешало бы, верно? Как ты считаешь, милая?

Полчаса ушло у женщин на то, чтобы договориться о нужных деталях.

На следующее утро Горацио стоял перед Анной со своими зубоврачебными инструментами в руках.

– Синьора! Осмотр в таких условиях, конечно, не приемлем! В пыли, рядом с дорогой? Я еще раз предлагаю вам любое время в моем кабинете.

Но улыбающаяся во весь рот Моредо была непреклонна:

– Так, может, я беспокою тебя напрасно, милый? Ты взгляни сначала так. Если оно того стоит, мы, конечно, отправимся к тебе.

Вздыхнув, Горацио Солер приступил к осмотру.

– Все в норме, насколько я могу судить, донья Анна, – сообщил он спустя минуты три-четыре. – Для вашего возраста у вас прекрасные зубы. Одна единственная дырка, мы справимся с ней за полчаса. Но точно не здесь! Вы зря боитесь...

– Боюсь? – с удивлением сказала Анна. – Вот еще! Уж будь спокоен. Раз у тебя хватило мужества жениться на Клементине, полагаю и я выдержу пару минут в твоей зубоврачебной пыточной!

– В каком смысле, донья Анна? – не понял дантист слов слепой.

Анна сделала вид, что сама его не поняла:

– Ты же женился, Горацио? Верно?

– Да.

– На Клементине Суарез? Что из Асуны?

– Все так.

Анна всплеснула руками:

– Так что ты морочишь мне голову? Как будто ты не слышал про ее мать и других ее родственников. Да и про нее саму!

Собиравший инструменты в серебристый медицинский чемоданчик дантист, замер в недоумении.

– Что я должен был слышать? – переспросил он. – Я ничего не понимаю.

– Ладно, сынок, – ответила Моредо, после секундного «размышления». – Тогда забудь. Не мое это дело – вмешиваться в чужие счастливые жизни.

– Нет уж! – настоял Горацио, и в его голосе прозвучала тревога. – Я прошу вас! Что вы имели в виду?

– Ну... – всем своим видом Анна выражала сомнение. – Если бы я не дала обещание падре Паскуале выражаться сдержанно... с тех пор как высказалась при нем по поводу церковного пандуса, на котором едва не сломала шею, то я бы сказала пожестче. А так, всего лишь замечу, что эта семейка – кусок засохшего под солнцем дерьма! Особенно бабы.

– Донья Анна! Как вы можете?! – возмутился Горацио.

– Ну вот, я же говорила! – Анна досадливо махнула рукой. – Все, не проси меня больше ни о чем говорить. Я умолкаю. Прости. Иди с миром.

Но уйти Горацио Солер уже не мог.

– Вы что-то знаете? – наклонившись к слепой, пропыхтел он. – Я требую рассказать мне все, как есть!

– Требуешь? – сдвинула брови Анна.

– Ну, ладно, ладно, – дантист смягчил тон, – Я прошу. Очень вас прошу. И обещаю вам сделать этот зуб бесплатно! Идет?

– Ну, хорошо, – Анна сделала вид, что довольна сделкой, и приступила к делу. – Ты же знаком со своей тещей?

– Разумеется.

– И как она тебе? В смысле внешности?

– Ну... Не знаю... – Горацио Солер никогда не думал о матери жены в таком плане. Полнотелая, крикливая женщина за пятьдесят, которых полно во всей Андалузии и ее окрестностях.

– Страшна, как смертный грех! – помогла ему Анна. – И с возрастом в их семействе в эту сторону меняются все женщины. До единой! Я помню ее мать, бабушку твоей невесты, а они, как две капли воды похожи. О!..

Анна закатила слепые глаза, как бы вспоминая.

– Она была... э... некрасивой? – с тревогой спросил Горацио.

– Как тебе сказать... – «искала слова» слепая. – Если представить ее вывернутой наизнанку, намного хуже не станет. Если бы мне предложили сделаться снова зрячей, но жить в комнате с ее портретом, я бы крепко задумалась.

Горацио напряг память, вспоминая тещу. Может это сразу и не бросалось в глаза, все-таки он больше смотрел на невесту, но, наверное, Анна Моредо была права.

– А что твоя ... как ее?.. – «не могла» вспомнить имя Анна.

– Клементина? – подсказал Горацио. – Она прекрасна!

– Ну-ну, – скептически скривилась Анна. – Любовь слепа. И твой случай лишнее подтверждение этой вечной мудрости. Ладно. Иди, Горацио, мне нечего тебе больше сказать. Твои глаза – не мои, со временем они, возможно, прозреют. А заодно – проверь пока свои уши.

– Зачем? – Горацио вновь опешил.

– Ты что, не слышишь, как над тобой смеется весь город? – донья Анна расхохоталась с искренним удивлением. – Взял в жены такую... – она обвела рукой лицо. – А какие у вас будут дети?.. Боже мой! Даже моей богатой фантазии не хватает представить!

– Надо мной смеются? – переспросил Горацио тихо, но уже играя желваками.

– В лицо? – ответила старуха. – Разумеется, нет! Ты единственный стоящий дантист во всей Санта-Монике. Тебя уважают и ценят, и, конечно, никто не захочет портить с тобой отношения.

Этот комплимент Горацио выслушал с привычным сомнением, но в итоге ему поверил – донья Анна, как известно, говорит всегда «от сердца и чистую правду». И вообще! Кто они такие, чтобы судить о том, что и как он делает? Тем более в таком личном деле, как супружеский выбор.

– Ну и пусть! – сказал он воодушевленный этими мыслями. – Пусть смеются! Не знаю... Пока в Клементине меня все устраивает!

На этот случай у доньи Анны тоже был готов план.

– Включая ее прошлое? – заметила она с легким удивлением. И вновь вздохнула: – Ну-ну...

Успокоившийся было Горацио вмиг потерял самообладание:

– Какое прошлое?! Донья Анна!

– То, что тоже передается у них по семейной линии, – произнесла Анна с сочувствием. – Моли бога, Горацио, чтобы у вас родилась не девочка.

– Что вы имеете в виду? – почти завопил дантист.

– Не могу себе представить отца, – объяснила слепая, – спокойно глядящего, как его дочь задирает подол перед каждым встречным.

– Что?! Вы хотите сказать что... что... что Клементина...

Анна улыбнулась и с участием добила:

– Шлюха? Ну не так чтобы! Но если дождаться, когда она зевнет в солнечную погоду, можно увидеть, как по земле забегают солнечные зайчики.

Горацио остолбенел окончательно, раскрыв рот шире самого послушного из своих пациентов.

– А если это сделают одновременно ее мать, бабка, сестры и тетки по материнской линии, ими можно будет заменить диско-шар в ночном клубе, – добавила Анна.

– Подождите... – прошептал Горацио. – Я думал, наоборот. Что я у нее первый.

Анна расхохоталась так, что Горацио покраснел.

– Это такой деликатный момент... Понимаете, донья Анна... Брачной ночи у нас как таковой еще не было...

– Понятно, – ехидно констатировала старуха. – Наверное, сказала, что нужно чуть-чуть подождать?

– Да, так и было, – на бедного Горацио было жалко смотреть, но Анне, по понятным причинам, это было все равно.

– Залечивает то, что не успело выздороветь до свадьбы, – объяснила она дантисту поведение его молодой жены. – Где вы познакомились? Я думала, ты подцепил ее в клубе для туристов, где она вертится вместе с сестрами и теми тетками, что помоложе?

– Нет, по интернету, – наивно ответил Солер, и Анна вновь рассмеялась так, что дантист еще раз увидел каждый из ее зубов.

Дантист решительно собрал последние из своих инструментов, засовывая их в серебристый чемоданчик силой, без всякого порядка.

– Я пойду, донья Анна. Мне надо немедленно поговорить с ней!

– Подожди, Горацио, – остановила его слепая. – Не спеши. Может, я сгущаю краски. Люди редко, но все же меняются. Ты, главное, не подпускай ее к вину и прочим радостям...

– Она еще и пьет? – спросил трагически уже не удивившийся новому факту Горацио.

– Если она похожа на других в своей семье, – пожалала плечами Анна, – то обязательно. Хотя не буду наговаривать. Ее папаша, выйдя из тюрьмы, например, завязал. Да оно и правильнее. Дурь-то ему достается почти даром – раз сыновья барыжат по всему Коста-дель-Соль.

– Кто?!

– Братья твоей Клементины. И травой, и порошком.

Горацио Солер швырнул уже собранный чемоданчик на землю:

– Какие братья?! Какой папаша?! На свадьбе их не было!

– Еще бы! – ответила Анна. – Хотела бы я увидеть церковь, в которую их согласятся пустить. После той кражи на причастии, на которой их застукали...

– Иисус Мария! – Горацио перекрестился. – Они еще и воровали в церкви?!

– Я же говорю, – максимально серьезно сказала Моредо, – мужественнее мужика, чем ты, Горацио, я в жизни не видала! Что с ней поделаться, с этой чертовой любовью.

Анна почувствовала на своих плечах руки дантиста.

– Боже, как я был слеп! – прошептал он ей в лицо в полном отчаянии. – Донья Анна! Вы уберегли меня от опасности, как святая Моника своего сына, Августина!

– Видеть в одном другое, бывает хуже, чем не видеть вовсе, – нейтрально заметила старуха. – Это правда. Если позволишь, я дам тебе совет.

– Конечно, донья Анна! Я слушаю вас!

Горацио отпустил слепую, но внимательно внимал каждому ее слову.

– Не делай из этого скандала, – сказала Анна. – Ты же и сам знаешь, как к тебе, уважаемому человеку, после этого станут относиться?

В этом Горацио Солера убеждать не было необходимости.

– Я вас понял.

– Реши все по-тихому. Просто расстаньтесь. А уж я, будь уверен, буду нема, как потрошенная рыба.

Последний из аргументов, «если бы твоя мать была жива, она бы точно посоветовала сделать то же самое!», не потребовался. Горацио Солер и так принял нужное решение.

Через два дня, покидая Санта-Монику, бывшая жена дантиста Горацио попросила водителя такси остановить машину возле большого рожкового дерева, растущего на обочине дороги на Асуну.

– Спасибо вам, донья Анна! – сказала Клементина с чувством. – Мы расстались. Он сам предложил это сделать, без каких-либо претензий. Но... Что же такое вы сказали ему, что он настолько изменил свое мнение?

– Тебе не обязательно знать, милая, – ответила Анна с улыбкой. – Будь счастлива. А следующего жениха ищи не в интернете. И, на всякий случай, подальше от наших мест.

Хоть Анна и была уверена, что об истинных причинах развода Горацио будет держать язык за зубами, но, кто его знает? Вдруг, после выпитой в баре лишней рюмки, решит кому-то пожаловаться?

Еще раз поблагодарив Анну, Клементина вернулась в такси. Спустя минуту машина с ней скрылась за поворотом ведущей в горы дороги.

Вокруг Анны Моредо вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы рожкового дерева и пением невидимых в ней многочисленных андалузских птичек.

В такие минуты, оставаясь наедине с окружающей ее темнотой, Анна иногда заводила разговор сама с собой.

– Приятно немного побыть богом, да? – сказала она негромко и в этот раз. – Надеюсь, что и Горацио от всего этого тоже только выиграет.

Затем Анна усмехнулась какой-то мысли, вслух которую произносить не стала. Вместо этого она подняла свои незрячие глаза вверх, к небу.

– Тебе же не было скучно все это время, признай? – Анна тихонько рассмеялась и помахала рукой облакам, которых не видела. – Привет отцу Паскуале!

Путешествие Мерседес

1. В больнице

– Святая Моника! Вы с Мерседес так похожи друг на друга. Не покинь ее, прошу тебя! Она так нужна своим детям и внукам. И мне, мне тоже, конечно. Помоги ей, я умоляю тебя!

Доктор Хулио Мартинез, врач-онколог единственной в Санта-Монике и ее окрестностях больницы привык, что пациенты и их родственники молятся. «Слава богу!» – сообщения об удачно прошедшей операции или хороших анализах из лаборатории чаще всего встречались именно этой фразой. «Богу?» – каждый раз с усмешкой думал Мартинез. – Как же, как же, именно ему».

Мартинеза задевало, что работа медсестер, санитаров и его личная, при подобной оценке результатов, не учитывалась. Шесть лет в университете Барселоны, лучшем в Испании, пять на последипломной резидентуре в Севилье, восемь лет практики в Санта-Монике – тоже ничего не значили. Как и закупленная на сотни тысяч евро аппаратура, благодаря которой больница, располагаясь в небольшом андалузском городке, могла проводить операции столичной сложности. А лекарства, чьи химические формулы длиннее любого псалма, эффект очевиднее, чем от любой молитвы, читай ты их без остановки со времен Авиценны до наших дней. Как насчет них?

Нет же: «слава богу»!

Хотя... Если кто-то и принимал участие во вчерашней операции – вместе с ним, доктором Мартинезом – то тоже потрудился на славу! В случае бедной синьоры Молины, они оба вряд ли могли сделать большее – помогай им в этом хоть вся небесная армия с полным медицинским корпусом королевства в придачу.

Примерно это и сообщил доктор Мартинез синьору Адриану Молине, лучшему юристу и адвокату Санта-Моники, одному из ее самых уважаемых граждан. В этот момент он горячо молился за здоровье своей жены в больничной капелле.

– Увы, дон Адриан, – признался врач, – мы можем лишь продлить ей жизнь на год-другой. И это самый оптимистичный прогноз. Я консультировался с коллегами в Севилье и Мадриде. Есть препараты, замедляющие процесс, но это все на что можно рассчитывать. Причем стоить это будет...

Мартинез не договорил фразу. Он показал Молине заранее выписанный рецепт, на обороте которого был написана цифра. Увидев ее, Молина вздохнул, насупил брови и закусил губу. Простояв так секунды три, он решительно произнес:

– Хорошо! Мы постараемся потянуть.

– Боюсь, вы не поняли, синьор, – уточнил врач. – Это за неделю.

Рука Молины, державшая бумажку с рецептом, дрогнула. Вновь закушенная губа побелела. Адвокат шумно втянул носом воздух, в попытке справиться с накатившей на него волной паники.

– Как же так... Мы думали, это просто приступ. С ней уже такое бывало. Темнело в глазах, становилось плохо, но... Вы уверены? Это не может быть ошибкой?

Врач раскрыл папку с бумагами.

– Вот анализы, которые пришли из Севильи. Выводы по ним полностью совпадают с нашими, и, простите, слишком однозначны. Кстати... О том, что у доньи Мерседес потемнело в глазах. Я вынужден огорчить вас и здесь. К сожалению, это навсегда.

– Что вы имеете в виду?

Доктор красноречиво помахал перед лицом рукой.

- Она будет слепа? – понял Молина.
- Не будет, – поправил доктор. – Это уже случилось.
- Полностью?

– Как Анна Моредо, что сидит у дороги из города, – упомянул врач еще одну всем известную горожанку. – Мне очень жаль. Будто вашей супруге было мало диабета с ретинопатией, еще и взрывной атеросклероз. Вместе они уничтожили зрительный нерв без надежд на восстановление. При таком диагнозе, увы, это случается.

Семья синьора Молины не принадлежала к бедным ни в коем случае. Сам он был блестящим специалистом в области права, лучшим юристом в городе и участвовал во всех более-менее крупных сделках и юридических делах горожан. Ему доверяли что угодно, зная, что порядочность и профессионализм у него на высоте, сравнимой с грядой Кордильера-Беттики. Тем не менее, и богатой семьей Молины назвать было никак нельзя. Во-первых, он никогда не брал с клиентов ни одного лишнего евро, наоборот, юриста направо и налево раздавал бесплатные консультации и скидки. Он любил свою работу и был благодарен каждому, кто позволял ему ей заниматься – оплата была делом важным, но не самым главным. А, во-вторых, в семье Молины, довольно обширном, каждый с полным правом получал свою долю. Детям свято выделялись деньги на образование, лучшее из того, что могла предложить Испания. Щедро спонсировались любые творческие проекты – на которые в семье был горазд любой. Остальное пожирал большой дом и поместье, в котором жили почти все Молины.

Лишних средств, другими словами, в семье адвоката не было.

– Так что насчет лекарства, дон Молина? Его нужно заказывать заранее. Но, повторю, оно просто растянет то, что происходит, во времени. Никто вас не осудит, если...

– Заказывайте.

– Вы уверены?

– Абсолютно. У нас есть сбережения. Для чего они еще, если не для этого? Она проживет каждый миг, на который у нас хватит денег, я клянусь!

– Как скажете, синьор. Я оформлю заказ, и послезавтра ваша супруга уже сможет начать прием.

Мартинез дал Молине подписать бумагу для оформления заказа.

– И кроме этого, – заметил врач также, – поддерживайте ее всем, чем можете. У вас прекрасная семья синьор Молина, простите, я знаю, что говорю лишнее, вы и так сделаете все возможное. Но знайте: ваша супруга – на перепутье. Она держится замечательно, молодцом, но если у нее отобрать надежду, может угаснуть мгновенно. Если же надежду в ней поддерживать всеми силами... Кто знает, сколько она еще проживет. Возможно, довольно много, – дал наставления Мартинез.

И закончил с одному ему понятной иронией:

– С божьей помощью.

2. В палате Мерседес

Адриан Молина навестил жену перед уходом. Мерседес лежала в палате, отрешенно глядя в потолок. Глядя – не по-настоящему, просто именно туда был устремлен ее невидящий взгляд.

– Мерседес? – позвал Адриан, изо всех сил стараясь держаться мужественно.

– Это ты? Слава богу! – живо ответила Мерседес. – Я с ума схожу от этой темноты вокруг. Да еще и без звуков. Я одна в палате?

– Да, милая, одна, – ответил Молина и взял жену за руку. – Тебе уже сказали? Насчет слепоты?

– Что это навсегда? Да, – Мерседес говорила как человек, принявший тяжелейший удар судьбы, но не потерявший при этом духа, и собирающийся бороться до конца. – Черт возьми... Я всякого ожидала от своего здоровья, но чтобы так? Ничего страшного. Будем считать, господь решил, что я достаточно повидала. Свозишь меня к донье Анне, чтобы она рассказала, как живут незрячие?

– Первым делом, – ответил Молина и поцеловал ее руку. – А в остальном? Ты... Как?

– Нормально. Не знаю, сколько мне еще осталось, но сегодня я точно помирать не собираюсь. Доктор сказал, что дела плохи, но есть какие-то варианты... Адриан? Почему у меня мокро на руке?

– Прости, – Молина вытер свои, пролившиеся на руку жены, слезы. – Да, я тоже с ним говорил. Все в порядке. Мы поставим тебя на ноги, все будет хорошо.

Домой адвокат Молина вернулся погруженным в самые мрачные и тяжелые мысли. Цена лекарства. Получалось, что семье придется расстаться со всем, что у нее было. О себе Молина не думал, но имел ли он право распоряжаться будущим своих детей и внуков? На это требовалось согласие всей семьи. Причем получить его следовало так, чтобы Мерседес ни за что про это не узнала. Адриан слишком хорошо знал свою жену – никогда бы она не позволила тратить отложенные деньги на то, чтобы продлить ей дни пожираемой неизлечимой болезнью жизни.

3. Семейный совет

Вернувшись из больницы, Молина тут же созвал совет, с участием всех членов семьи. Сборы заняли добрых три часа. За это время Молина успел в деталях продумать, что скажет домочадцам.

Врачи обещали выписать Мерседес скоро – перед самым Рождеством, до которого осталось меньше недели. С этого он и начал разговор:

– Скорей всего это ее последнее Рождество. И я заклинаю вас всем, что вам дорого, будьте в этот день здесь, рядом с ней.

Все отнеслись с пониманием.

Мерседес не была родной матерью детям Молины. Лишь последние десять лет она жила под крышей его дома, вместе со своей дочерью Мирой. Семья самого Молины была значительно обширнее. У него было два старших сына, и один из них, Пабло, вместе с женой Марией уже подарил ему двух внуков. А другой, Альфонсо, вот-вот собирался жениться в четвертый раз.

Младшая родная дочь Молины по имени Кира была почти того же возраста, что и падчерица: Кире исполнилось шестнадцать, а Мире семнадцать. Также под крышей большого дома Молины жила и его сестра Тереза, вместе со своим мужем Фабио и двумя их детьми, уже взрослыми, 20-тилетними конопатыми близнецами Мигелем и Моной.

Несмотря на то, что почти всем этим людям Мерседес не приходилась родной, относились они к ней с огромной любовью, как к настоящей матери. Настоящей матерью она им и была. А может даже больше. Был случай, когда она доказала это раз и навсегда.

Мерседес бесстрашно встала на пути у несущегося по узкой извилистой улочке взбешенного быка. Бык вырвался из фургона, в котором его перевозили в Ронду, старейшую арену корриды в Андалузии, и несся прямо на Киру – самую младшую, на тот момент, и любимую в семействе Молины малышку. Мерседес отшвырнула в сторону мальчишек Пабло и Альфонсо, которых вела в тот день в школу, и отважно преградила быку дорогу. Она кричала, свистела и размахивала руками, пока не отвлекла его внимание от застывшего в ужасе ребенка. Его рога пробили ей ребра, лишь по счастливой случайности, не задев жизненно важных органов – ни легких, ни печени с желудком. Бык проволоком Мерседес по улице метров двести. Все это время она орала на него, называя самыми обидными в Испании ругательствами, и била по глазам сложенными для жесткости в «щепотку» пальцами.

В конце концов, бык сбросил ее на землю и, мыча от боли и унижения, умчался вдаль.

С этого дня Мерседес заняла в семье Молины самое главное положение. И не только в ней. Мать, защитившая своего ребенка от чудовища – где еще, как не в Санта-Монике, городе носящем имя матери блаженного Августина, ей было суждено стать одной из самых уважаемых горожанок.

На собрании присутствовали все, включая малолетних внуков. Самый младший, двухмесячный Агустин спал в коляске на веранде. Его родители Мария и Пабло приглядывали за ним через открытое окно гостиной. Второй же, полуторагодовалый Теодор, играл на виду у всех, в углу гостиной, в большой детском манеже.

– Конечно, пап! – произнесла Мира с чувством в ответ на просьбу отчима. – О чем ты говоришь!

И выразительно посмотрела на Киру. Сестры любили соперничать, в том числе в проявлениях любви к родным и близким. В ответ Кира, тоже выпучив глаза, сказала, обращаясь к отцу:

– Ок, ок!

На скупом языке подростков это значило: «хорошо, я приду». По крайней мере, Молина на это надеялся.

Остальные тоже оценили важность просьбы и с готовностью подтвердили, что обязательно будут.

– Но нам необходимо кое о чем договориться, – продолжил глава семейства. – Я не сказал ей, что она умирает. И запретил говорить ей это ее врачу. И вам я тоже запрещаю это делать. Достоинство принять тот факт, что она ослепла, у Мерседес хватило мужества, но я понятия не имею, сколько после этого у нее его осталось. Пусть доживает свои дни, не думая о каждом из них, как о последнем.

К этой просьбе домашние уже отнеслись по-разному. Сестра Адриана, Тереза, например, закусила губу и с сомнением покачала головой. Но вслух перечить никто не стал.

– Прекрасно, – истолковал Молина общее молчание как общее согласие. – И есть еще кое-что, о чем вы должны знать.

Адвокат рассказал о заказанном лекарстве, и о том, как его стоимость повлияет на все их ближайшие, связанные с деньгами, планы.

– Наверное, я не был вправе принять такое решение один, но... Я надеюсь, вы отнесетесь с пониманием, – сказал он с надеждой.

– Пап! Разумеется, – Мира поднялась, и, подойдя к отцу, крепко обняла его.

Кира, не отставая от сестры, положила на его запястье руку.

– Мы со всем справимся, пап. Не беспокойся.

Семья дружно поддержала принятое им решение.

– Мерседес получит все, что нужно, – согласились сыновья Пабло и Альфонсо.

– Пусть только будет здорова, – сказала невестка Мария.

– Это всего лишь деньги, – заметил и зять Фабио.

– А сколько именно оно стоит, Адриан? – задала рациональная Тереза вопрос о лекарстве.

После названной вслух суммы в гостиной воцарилась тишина, которую, как деревенскую поленту, можно было нарезать суровой ниткой.

– Ничего себе, – наконец, сказал племянник Молины, конопатый Мигель. – А я думал студию переоборудовать.

Подзатыльник, который он тут же получил от сестры Моны, был красноречивее всяких слов.

– Да я ничего такого не имел в виду! – потирая ушибленное место, воскликнул Мигель. – Обойдусь, конечно.

– Нам всем потребуется от чего-то отказаться, – сказал Молина.

– Мы, думаю, пока повременим с бетонным цехом, – сказал Альфонсо, и Пабло ему кивнул. – Все равно как раз навалило работы, есть чем заняться и так.

Братья работали вместе, в собственной строительной фирме, обслуживающей запросы всего региона.

– Мы хотели купить минивэн, но это не к спеху. Дети пока маленькие, – сказала Мария.

– А вы пользуйтесь пока нашим, – с готовностью предложил Фабио. – Мы все вместе все равно уже давно никуда не ездим.

– А я устраиваюсь на работу к Фелипе, – сказала Мира, – так что карманные деньги мне больше не нужны. И насчет Киры тоже могу там поговорить.

– Могу бросить университет, – предложил Мигель и получил еще один подзатыльник, но уже от матери.

– Можешь продать мотоцикл, – выдвинула Тереза сыну встречное предложение, – не только Мерседес, но и сам проживешь подольше!

Предложения сыпались одно за другим. В совокупности с накоплениями на банковском счету и средствами, вложенными в недвижимость, часть которой тоже решено было продать, положение перестало казаться безвыходным.

Растроганный семейным единодушием Адриан поднялся из-за стола и прижал к сердцу руки:

– Спасибо вам больше, дорогие. Всем. Я очень рад тому, что вы думаете так же, как я. И тому, что мы с вами вместе.

4. Рождество

Два с половиной часа – столько потребовалось на путь туда и обратно, от поместья Молины до больницы Санта-Моники и выписку из нее, включившую в себя разговор с врачом, все его советы и пожелания.

В ожидании Мерседес родственники выстроились возле парадного подъезда к главному, большому дому в поместье. Помимо него на территории был еще и внушительный трехэтажный гостевой дом – в него все собиралась, но никак не могла найти времени переехать, семья Терезы.

Въехав через главные ворота и преодолев около ста метров бетонированной подъездной дороги, машина Молины остановилась возле входа. Пабло и Альфонсо бросились помочь Мерседес, но их опередил отец. Покинув водительское место, Адриан сам открыл заднюю дверцу автомобиля; опираясь на его руку, кряхтя и охая, из машины выбралась Мерседес.

Тереза и Мария, как и положено впечатлительным женщинам, заблестели глазами и приложили к губам ладони. Жена Адриана сильно сдала, это бросалось в глаза стражу. Если бы не помощь мужа, самостоятельно она, вероятно, не смогла бы сделать и шага.

Родственники помладше, пока что знающие жизнь чуть хуже, переживали чуть меньше.

Мерседес передвигалась прерывистыми, мелкими, шаркающими шагами, покачивая при ходьбе головой – как будто что-то с негодованием, без слов, осуждая.

– Тетя так раньше делала? – вполголоса спросил Мигель у Моны.

– Не припомню. Во всяком случае, не так сильно.

Еще, из нового для всей семьи, у Мерседес появились огромные черные очки, закрывающие половину лица.

– Как кинозвезда, которая прячется от папарацци, – пошутил Мигель и очередным подзатыльником, на этот раз отцовским, от Фабио, был отправлен помочь дяде довести Мерседес до крыльца и подняться по ступенькам.

– Привет всем! – вопреки плачевному внешнему виду держалась Мерседес бодро. – Эй! Вы тут вообще? Не прячьтесь!

Словно очнувшись, родственники тут же окружили ее заботой, по очереди заключая в объятия, предлагая любую помощь, интересуясь всеми ее желаниями – присесть, перекусить, утолить жажду, включить радио, сделать потише рождественскую музыку и так далее.

Мерседес благодарила и добродушно посмеивалась:

– Чувствую себя персоной важнее папы римского!

Вскорости пришло время рождественского ужина (в виду обстоятельств, перенесенного на обеденное время). Тереза, Мария, Мона и сводные сестры Кира с Мирой с утра торчали на кухне и, конечно, не зря. На столе стояли многочисленные закуски, традиционные для любого андалузского застолья: тончайше нарезанный хамон, оливки, каперсы, фаршированные баклажаны и яйца, сыр – всего по несколько видов. Тут же на стол подали благоухающий кальдо – наваристый суп из мяса и овощей. Затем настала очередь праздничного жаркого, щедро сдобренного лучшими, что можно найти в андалузских горах, душистыми травами, душицей, тимьяном и розмарином, черным перцем и чесноком, обложенного разрезанными на четверти молодыми лимонами, брусками запеченной моркови и дольками, посыпанного тмином и молотой паприкой, картофеля. В качестве десерта ждали своей очереди традиционные рождественские туроны – цельные орехи, покрытые слоями шоколада и карамели, а также польвороны и мантекадо – песочное печенье с миндальной пастой и жареным в свином сале пеканом.

Хоть об этом заранее и не договаривались, за столом постоянно кто-то говорил. В основном все бесперебойно желали Мерседес здоровья. Так усердно, что она даже что-то заподозрила.

– Вы меня тут что, хороните? – спросила она с удивлением. – Адриан, ты рассказал им о тетрофлизимабе?

– О чем, о чем? – переспросила Тереза, одновременно поймав многозначительный взгляд брата.

– Это лекарство, – пояснила Мерседес. – Новое, из Нидерландов. Поставило на ноги тысячи таких, как я. Все верно?

– Так и есть, – подтвердил Адриан.

– Я думаю, оно жутко дорогое, – рассмеялась Мерседес, – но он не признается!

Молина на всякий случай обвел всех присутствующих выпученными глазами.

– Нет, это совершенно не так, – возразил он жене. – Гроши! Современная медицина не такая дорогая, как о ней думают. Плюс мы... э... попали в программу с государственной поддержкой. Мы без труда справимся.

На самом деле таблетки, внушающие надежду своей невероятной стоимостью, а также оптимистичным, полным жизни светло-салатовым цветом (оценить по достоинству который Мерседес все равно не могла), были закуплены Молиной на сумму, сопоставимую, как минимум, с четвертью всего его поместья. Это был запас на ближайшее время. Под личным контролем Адриана Мерседес принимала их трижды в день.

Возникла пауза, в течение которой Мерседес слышала только, как стучат ножи и вилки, и пережевывается рождественское жаркое.

– Ну и отлично, – сказала она сама, не дождавшись никого другого. – Единственное, о чем я по-настоящему жалею, это то, что мне придется отказаться от мечты всей своей жизни. Я говорю о... Ну, вы сами знаете о чем. Что же – не судьба!..

О чем мечтала Мерседес, в семье действительно знал каждый. С самых малых лет она грезила путешествием в Америку. В принципе, не таким уж и далеким – нужно было всего лишь пересечь океан. Нью-Йорк, Вашингтон, Лас-Вегас – известные любому названия этих американских городов годами щекотали ее фантазию, дразнили и манили к себе. Она наизусть знала их улицы, парки и музеи – все главные достопримечательности. Голливудские фильмы, которые теперь ей было увидеть невозможно, она помнила на уровне самых точных цитат. Так же хорошо знала и литературу.

Отдельно Мерседес мечтала побывать в калифорнийской Санта-Монике – отчего-то она была уверена, что там ее ждет нечто совершенно удивительное.

Но, несмотря на то, что мечта казалась вполне осуществимой, поездка в Штаты постоянно откладывалась. То рождались дети. То внуки. То они шли в школу. То болели и находиться в школе никак не могли. Как только появлялись время и деньги, вместе с ними всегда возникало что-то еще – срочная плата за обучение в университете, ремонт дома, очередная свадьба старшего сына и так далее, так далее, так далее.

А потом неожиданно подошло к концу здоровье. И простая мечта Мерседес, как это ни печально, стала совершенно невозможна к исполнению.

– Не судьба... – повторила Мерседес.

Близкие, оставив ножи и вилки, снова наперебой стали желать ей здоровья.

– Все! Я прошу вас! Хватит! – взмолилась Мерседес спустя некоторое время. – Спасибо вам всем огромное! Но я уже чувствую себя рождественской елкой, вокруг которой пляшут хоровод. Давайте уже дарить подарки!

Предложение встретили с радостью. По очереди Мерседес вынимала из общего мешка рождественского подарка (это было семейной традицией, и ее исполнение всегда доверяли именно Мерседес, как самой уважаемой в семье персоне), упакованные и подписанные одним членом семьи для другого. Кира подарила Мире чехол для мобильного телефона. Альфонсо получил от жены младшего брата Марии свитер. Сестра Тереза поздравила брата Адриана с Новым годом новым галстуком-бабочкой, которые он всегда предпочитал обычным.

Особенно все радовались подаркам от Мерседес, даже ее засмущали. Лежа в больнице, она смогла найти силы для того, чтобы корявым слепым почерком расписаться на праздничных открытках и приложить к ним по банкноте-другой.

– Я просила у Адриана по пятьсот евро каждому, – шутила она, – но на какие купюры заменил их этот негодник, не имею понятия!

Все смеялись и чмокали слепую Мерседес с благодарностью в щеки.

Прошло еще немного времени. Фабио получил от Адриана набор сигар. Мигель подарил сестре Моне совершенно не идущие ей сережки и получил от нее в ответ то, чего избегал всю свою жизнь – книгу.

Дочки Мира и Кира и, примкнувшие к ним племянница с золовкой, скинувшись, подарили Мерседес роскошную брендовую сумку, модную именно в этом сезоне. Мерседес, как и всякая женщина, высоко ценившая подобные мелочи, с таким трепетом ощупывала пальцами дорогую поверхность сумки, будто пыталась прочесть по ней что-то на азбуке Брайля. Кира и Мира помогли ей своими руками – показывая, где у сумки какой кармашек, молния, дополнительные отделения и кнопочные замочки.

Наконец в мешке остался последний подарок. Конверт – от Адриана Молины своей драгоценной супруге.

– Ну-ка, что там? Прочитай, Кира, – попросила Мерседес. – Но будь уверена, вашу сумку он уже не перебьет!

– Нет! Я сам! – воскликнул вдруг адвокат, сидевший молча с тех пор, как Мерседес начала раздавать подарки. – Кира... ушла в туалет.

Чтобы удивленная Кира, сидевшая в это время за столом, не вздумала ничего сказать, Молина показал ей пальцем на губы – «молчи!».

Удивленно вскинув брови, дочка подчинилась.

– В это рождество, Мерседес, – произнес Молина, – я дарю тебе... твою долгожданную Америку.

– Что? – воскликнула Мира.

– Что? – повторили за ней Пабло и Альфонсо.

– Что?! – громко крикнула Тереза.

На вынутой из конверта открытке, которую держал в руках Молина, был подарочный купон в местный торговый центр – это было видно всем за столом.

– В Америку, моя дорогая, – повторил Молина и вложил в ее руку картонный прямоугольник. – Вот билеты. Ты заслужила это давно, моя любовь.

– Я увижу Америку?... – прошептала в Мерседес, и из-под ее черных очков пролилась слеза. – Но... как? Как я поеду? Я же...

– Я полечу вместе с тобой, – сказал Адриан и обнял жену за плечи. – Мы побываем везде, где ты мечтала. В Нью-Йорке. На Манхеттене и около Статуи Свободы. Мы поднимемся на Эмпайр Стейт билдинг и сходим на Пятую Авеню. Я не обещаю, что мы купим там что-нибудь из недвижимости, но на несколько дешевых сувениров ты всегда можешь рассчитывать...

Мерседес заплакала.

– Я так люблю тебя, Адриан! Это лучшее рождество в моей жизни! А Лас-Вегас и Санта-Моника?

– Обязательно! Какой смысл тащиться через океан, если не побывать там?

«Что?! Ты?! Делаешь?!» проговорила одними губами сестра Молины. Вид у Терезы был не только изумленный, как у любого из присутствующих, но и крайне возмущенный.

Нежно обнимающий свою счастливую супругу Молина, спокойно обвел взглядом всех, кто был за столом, и кивнул, призывая не волноваться. Мира пошла за десертом.

5. «Какая Америка?!»

– Что ты наплел?! – бушевала Тереза. – Какая к черту Америка? Где мы возьмем на это деньги?!

– Тихо! Прошу тебя не разбуди Мерседес. Я даю ей весьма крепкое снотворное, но ты так кричишь...

– А чего ты хотел? Как тут не кричать? – продолжила сестра, перейдя хоть и на громкий, но все-таки шепот. – Мы не можем выкроить даже пару лишних сотен, у нас все уйдет на ее лекарство. Я ничего не говорю. Я не жалею ни копейки потраченной на это, но... Америка?! Адриан? Америка?

Успокаивающими жестами Молина «попросил» сестру не выходить снова на крик.

– Еще и с заявленной тобой программой? – продолжила она, опять шепотом. – Это тысяч пятнадцать, если не больше. На одного! А ей обязательно нужен провожатый. Умножь то, что невозможно на два, и ты получишь два невозможно!

– Тереза, Америка будет, – ответил Молина твердо. – Завтра помоги, пожалуйста, Мерседес с вещами для путешествия. Новый год мы с ней встретим уже в США.

6. В Нью-Йорке

Радости Мерседес не было предела. Что-то сопоставимое по охватившему ее восторгу она испытала, когда родилась Мира, или когда Пабло и Мария сделали ее бабушкой, родив первого внука. Это было тоже счастье. Но, конечно, другое.

За всю свою жизнь она, конечно, покидала Испанию. Вместе с Адрианом они были в соседней Португалии, несколько раз ездили во Францию и Италию, один раз в Африку. Вот и все. Все остальное оставалось в мечтах, которые они откладывали на потом. Потом, когда вырастут дети. Потом, когда вырастут дети, появившиеся вслед за подростками детьми. Потом, пока вырастут дети, появившиеся у детей. Потом, когда с работой станет полегче. Потом, когда закончится ремонт и переустройство поместья. Потом когда, первый, второй, третий ребенок закончит университет. Потом, потом, потом...

Это не казалось трудным. Мерседес не чувствовала никаких страданий самопожертвования и рассмеялась бы на любое предположение об этом. Так было надо семье, частью которой она являлась, и все вопросы отпадали сами собой.

Годовую визу в США они с Адрианом оформляли уже трижды – каждый раз на день свадьбы, он был у них в апреле – это стало уже традицией. Но каждый раз поездку приходилось откладывать. Так случилось и в этом, самом тяжелом году.

Чертов диабет. Самое страшное и неудобное из всех «потом». Сначала он ударил по ногам, потом по сердцу и печени, теперь вот прикончил ее зрение. И, как будто этого не хватало, появившаяся «доедать» то, что от нее осталось, онкология.

Что осталось от мечты? Ничего. Но ее родные... Муж, над которым она вечно посмеивалась, слишком простодушный для юриста, как она всегда считала, воплотит ее мечту в жизнь! Сделает это для нее.

Полет прошел утомительно, но не настолько, как ожидалось. Восемь часов пролетели, как, максимум, пять. Таможенники с пограничниками в аэропорту Севильи были крайне любезны – никаких очередей, все очень быстро и почтительно.

В самолете, пересев с инвалидного кресла, на котором ее теперь везде возил муж, в самолетное, Мерседес с восторгом сама застегнула ремни и принялась расспрашивать, что за окном. Стюардесса, к сожалению, настояла, чтобы ее посадили ближе к проходу, в целях безопасности. Мерседес переживала, что неважно знает английский, всего пару фраз, но экипаж был испанским, поэтому языкового барьера не возникло.

Стюардесса принесла им по бокалу бренди еще до взлета.

– Ну, моя дорогая, – тронул своим бокалом бокал супруги Адриан. – За наше путешествие!

Мерседес почувствовала, как задрожало ее кресло и пол под ногами.

– Что это? Мы летим?

– Еще нет, пока только выруливаем на взлетную полосу, – объяснил Адриан.

Взвыли двигатели, спинка кресла наклонилась назад, увлекая за собой и Мерседес, дрожь под ногами усилилась.

– Мы разгоняемся, Мерседес.

Неожиданно дрожь исчезла, и появилось ощущение необычайной легкости, в которой повисло все ее тело.

– Мы летим?!

– Летим, Мерседес!

– Ура!!! – выкрикнула она, словно ребенок, и засмеялась.

После сигнала отстегнуть ремни, стюардесса принесла им по второму бокалу (оба выпил Адриан, для Мерседес это было уже за много), и легкий плед на всякий случай.

– Приятного полета. Зовите меня, если вам что-то понадобится.

– Стюардессам не оставляют чаевых, Адриан? – поинтересовалась Мерседес. – Ты уверен? Очень жаль!

– Ничего, я напишу на сайте их компании благодарность. Она наверняка получит премию, – ответил юрист.

Какое-то время Молина рассказывал жене, что видит в иллюминаторе, потом она, утомленная эмоциями, заснула. И проспала до самой посадки.

– Мы в Америке, дорогая, – разбудил ее супруг. – Аэропорт имени Джей Эф Кеннеди!

– Я все проспала?

– Ты ничего не пропустила, кроме облаков. У нас все впереди!

Американский пограничный пункт тоже прошли быстро. Мерседес попросила описывать все, что происходит вокруг, Молина, как мог, это делал:

– Мы идем по специальному переходу, без очереди, для инвалидов. Все надписи на английском. За окнами летное поле. Без конца взлетают и садятся самолеты. Впереди американский пограничник. Черный и высоченный. Улыбается во все зубы.

– Вот наши паспорта, офицер! – сказал Молина по-испански.

– Санкью, мистер, – услышала Мерседес густой бас пограничника. – Хау а ю, миссис Молина?

– Грацияс! – ответила Мерседес невпопад, но совершенно искренне.

– Велкам ту зе Юнайтед Стэйтс, – сказал пограничник, возвращая документы.

– Санкью вери мач! – прошептала Мерседес и по щеке ее снова скатилась слеза.

Теперь она в Америке совершенно точно.

– Я в восторге от того, как все начинается, милый! – тараторила Мерседес, пока Молина вез ее на кресле по аэропорту. – Что дальше?

– Мы получим багаж, сядем в такси и доедем до отеля. Там ты отдохнешь, и мы поедем к статуе Свободы.

– Класс!

Следующие часы были наполнены впечатлениями максимально. После нескольких часов в отеле, избавившись от чемоданов и взяв с собой только новую сумку Мерседес, они отправились в город. Переезжая на такси с места на место, они исколесили весь Манхэттен: побывали у башни Трампа, заглянули в Централ парк, сделали фото с видом на Статую Свободы, съели по «настоящему американскому хот-догу». И напоследок, в окончании этого трудного длинного дня, поднялись на смотровую площадку знаменитой «Эмпайр стейт билдинг».

– Перед нами весь Нью-Йорк, милая. Центральный парк, Тайм-сквер, Пятая авеню – все, как на ладони!

Североамериканский, невероятно теплый, несмотря на поздний декабрь, ветер развеивал седые волосы Мерседес. Скорей всего она вновь плакала от счастья – понять было трудно, ветер моментально сушил эти слезы.

– Я люблю тебя, Адриан, – прошептала Мерседес, в который раз за день. – Я люблю тебя, Адриан, больше всего на свете.

7. Второе собрание

– Америка будет, – ответил Молина твердо. – Завтра помоги, пожалуйста, Мерседес с вещами для путешествия. Новый год мы с ней встретим в США. Раз я обещал.

– Адриан... – начала Тереза, но брат ее перебил.

– Но для этого нам нужно провести еще одно семейное собрание. Прямо сейчас. Будь добра, передай всем, что я жду их на террасе гостевого дома.

Разгневанной сестре не оставалось ничего другого, как исполнить просьбу. Через полчаса Молина изложил заново собравшимся родственникам посетившую его идею.

– Ты сошел с ума! Я не могу объяснить это ничем другим! – категорично высказалась по ее поводу Тереза.

– А что? По-моему прикольно. Я за! – объявил племянник Мигель. – У меня в студии есть все, что нужно.

– Я продумал первые шаги. Они самые сложные, но выполнимые, – сказал Молина. – Очень помогло бы участие Селесты, – это было имя одной из бывших жен Альфонсо. – Ты поговоришь с ней?

– Конечно, – ответил сын, – я думаю, она согласится. Мерседес ей всегда нравилась.

– Отлично!

– Одумайтесь! Что вы делаете?! Это же бред! – Тереза даже встала из-за стола.

– Почему, мам? – не согласилась с ней и дочка Мона. – Я даже знаю, где достать самолетное кресло. Отец Патрика содержит маленький авиамузей, там полно всякого барахла. Я попрошу – Патрик в лепешку разобьется, чтобы мне угодить!

– Но это же... Это же... – Тереза кипела от возмущения. – Я не знаю, как назвать... Но я не собираюсь в этом участвовать совершенно точно!

– Хорошо, – мирно ответил Молина. – Мы справимся без тебя.

– Чур, я американский полицейский в аэропорту! – застолбил Мигель. – Накачанный и черный!

И проговорил утробным басом:

– «Велкам ту зе Юнатйдет Стейтс, донья Мерседес!». Ну как?

Молина одобрительно мигнул и поднял вверх большой палец:

– Только «миссис Молина», а не «донья», Мигель. Она не сильна в английском, но нам всем стоит быть осторожными.

С этого момента началась подготовка к самой огромной мистификации, которую только можно было представить в законопослушном семействе юриста Адриана Молины. И участвовали в ней все, кроме Терезы, да недавно родившихся Агустина и Теодора.

План был прост до иезуитской коварности. Америку, которую не было возможности купить за деньги, Молина решил создать собственными руками. Учитывая, что видеть ее Мерседес все равно не придется, поработать оставалось лишь над ее звуковым и осязательным воплощениями.

И для этого, по крайней мере, на первый взгляд, было все, что нужно.

«Аэропорт» и сам «самолет» соорудили в стоящем на территории поместья огромном пустом амбаре. Одолженное у отца приятеля Моны самолетное кресло закрепили на большущей фанерной платформе, которую можно было наклонять в любом направлении и трясти, создавая ощущение, бегущих по взлетной полосе шасси. Немного беспокоил момент непосредственного взлета, но с этим, благодаря инженерным навыкам Пабло и Альфонсо, справились легко. Под фанерным щитом закрепили две надежные балки, схватившись за которые, в нужный момент приподняли всю конструкцию в воздух.

Звуковое оформление обеспечил Мигель. В базе сэмплов его звукозаписывающей студии можно было найти все что угодно – от рева двигателей до сигнала вызова стюардессы. Роль которой блестяще исполнила Селеста – вторая бывшая жена Альфонсо. Она работала учителем английского языка в соседнем с Санта-Моникой городишке и с удовольствием согласилась помочь. Мало того, привлекла нескольких своих учеников. Роли у них были не тяжелые, хотя и ответственные – говорящие по-английски водители такси, уличные продавцы сувениров, гостиничные портье и другие «американские» прохожие.

– О май гат! Иц эмэйзинг! – восторженно голосила одна из учениц Селесты на «смотровой площадке Эмпайр стейт билдинг». До этого немножко поговорив с Мерседес в фальшивом лифте: «О! Вы первый раз в Америке? Это прекрасная страна!...».

Гостевой дом, стоящий в глубине участка, использовали под «гостиницу». А роль «Эмпайр стейт билдинг» отлично сыграла его крыша. На ней была верхняя летняя терраса-солярий, к вечеру обычно хорошо проветриваемая прохладным, идущим с гор, ветерком. Долгий, восьмиминутный «подъем на лифте» имитировали звуками из коллекции Мигеля и легким потряхиванием коляски, изображающим вибрацию механизма.

Передвижения «до аэропорта в Севилье» и «на такси по Нью-Йорку» изобразить оказалось и вовсе просто. Через обширную территорию поместья вилась закольцованная асфальтированная дорожка – по ней, незаметно для Мерседес, можно было ездить хоть сутками.

Труднее всего было достать «настоящий американский хот-дог». Кухарка из трактира Фелипе, в котором работала Мира, даже оскорбилась:

– И как мне сделать его «американским»? Уронить на пол?

Все внесли тот вклад, на который были способны.

Не принимала ни в чем участия лишь Тереза, принявшая идею брата в штыки изначально. Объяснить, почему, при этом, она затруднялась. Ее это просто бесило и все. Чтобы не раздражаться еще сильнее, Тереза просто сбежала на работу, сказав, что участвовать «в такой нелепой афере» категорически отказывается. Фабио и Мону с Мигелем, ошпарив взглядом, при этом, переубеждать она не стала, понимая, что все равно останется в меньшинстве.

К вечеру, когда утомившаяся Мерседес, наконец, уснула «в гостиничном номере», в который превратили одну из комнат второго этажа гостевого дома, Адриан снова встретился со всей семьей. Чтобы подвести совместный итог первого опыта – крайне, на их общий взгляд, удачного.

Семейство охватила настоящая эйфория, эмоции били через край:

– Ты видел, как она смотрела на Нью-Йорк? – радовалась за Мерседес невестка Мария.

– А как ела хот-дог? «Вкуснее только у Фелипе!» – умирали со смеху Кира и Мира.

– Как я не заржал, когда она попросила тебя дать мне чаевые! – смеялся Мигель, кроме таможенника исполнивший роль и одного из таксистов.

– Всем огромное спасибо! – сказал Молина, поднявшись с бокалом домашнего вина в руке. – Альфонсо, передай Селесте мою огромную благодарность! Мона, поблагодари от меня отца Патрика! А ты, Мира, Фелипе и его чудесных поваров! И напоминаю: на завтра у нас запланирован Вашингтон.

– У меня все готово, – заверил Мигель, на котором были все «авиаперелеты».

– А потом Лас-Вегас, чтобы вы знали, – сказал Адриан.

– Ура! – закричала молодежь.

– Не далековато? – высказала опасение Мария. – Это через всю страну, если я правильно помню карту.

– Она снова проспит всю дорогу, не сомневайтесь, – успокоил Молина, показав пакетик с салатowymi таблетками – он носил их при себе постоянно, выдавая Мерседес по одной вместе со снотворным. – «Полетаем» минут сорок, не больше, – адвокат сделал пальцами «кавычки». – А из «аэропорта» поедem на «лимузине» в «казино»,

– Я тоже готов! – на ужине присутствовал и Патрик, парень Моны, по совместительству играющий в местном самодеятельном театре. – Не стесняйтесь! Используйте меня на полную, дон Адриан. Какого водителя хотите? Индуса, араба?

Патрик изобразил несколько акцентов. Судя по тому, как смутилась Мона и заржал Мигель, не слишком убедительно.

– Не увлекайся, Патрик. Без переборов, – предостерег Молина ухажера племянницы. – Мерседес ослепла, а не отупела, помните, пожалуйста, об этом все.

Вашингтон Мерседес понравился не сильно. Что там смотреть, кроме Белого дома? А все музеи оказались «закрытыми на праздники».

Зато Лас-Вегас оказался сказочным!

После «перелета» и «гостиницы» супруги, как и планировали, отправились в «казино». Акустика бывшего амбара, с поставленными там Мигелем звуковыми колонками, как и в случае с «аэропортом», создала отличную атмосферу. Гул голосов, треньканье игровых автоматов, шум фонтана – многоканальная аппаратура Мигеля справлялась отлично со всеми задачами.

Естественно Адриан предложил Мерседес сыграть.

«Рулетка» не принесла им ничего – они «проиграли» все пять ставок. Но вот «блэджек» доставил незабываемые эмоции. Адриан шептал на ухо Мерседес ее карты, и она принимала решение. И с первого же захода «выиграла». Потом удача была на ее стороне еще несколько раз. Потом Мерседес дала возможность сыграть вместо себя Адриану, и он тут же «проиграл». После этого Мерседес лихо поставила на кон все и... выиграла снова!

– Адриан, я больше не могу, – призналась она мужу. – В жизни так не волновалась. Сколько мы выиграли?

– Четыре тысячи двести, – взял с потолка, кажущуюся ему солидной и правдоподобной, цифру Адриан.

– Глядишь, так отобьем всю поездку! Но я устала, честно говоря.

– Все, дорогая, тогда едем в отель.

Фабио, стоявший напротив Адриана, скорчил возмущенную рожу. Игровой автомат, одолженный им в баре своего знакомого, он пер на собственном горбу через весь город!

– Мерседес, – пошел навстречу зятю Адриан, – тут еще «однорукий бандит». Попробуем разок?

Мерседес дернула за ручку неподключенного автомата. Аппаратура Мигеля воспроизвела все необходимые для его работы звуки.

– Мерседес! Ты снова выиграла!

Под радостное брэнчание автомата Альфонсо сыпал в лоток монеты, которые падали туда, водопадом касаясь рук счастливой, хохочущей Мерседес, После поздравления от распорядителя казино, сделанного одним из учеников Селесты, супруги Молина, наконец, покинули необычайно фартовое казино, и, заканчивая еще один поразительный «день в Америке», отправились спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.